

Укол весны

Анатолий Субботин. *Беспризорное небо* (стихи 1979–2014). — Пермь: АС, 2015

Пока снегами безразличия привычно укрыто всё вокруг, мир предстаёт ровной, держащей на бесконечность равнение равниной. Мир гладкий, благостный, спокойный, самодовольный, не стремящийся к изменениям. Вообще не стремящийся. Ни к чему. Понятно, что под снегом тепло, там можно переждать любые катаклизмы. Любые бури. Любые ветра. Тем более — поветрия. Лежишь берложно, осторожно подумываешь о большом, великом, величавом. Или интересном хотя бы. Конечно же, выпиваешь — как тут не выпивать! Обстановочка располагает:

*Я пил мороз, разжиженный
в кефир,
шаланды (как там?),
полные кефира...*

От жизни такой и пролеж-ни возможны, и просидни, и проседи. Вылезти наружу, что ли? Пусть не так уютно, но — манит. Усидеть невозможно, улечься — тем более. Эх, ходу отсюда! Ход куда? Хоть куда! Словами тёплыми снег продышать. Взглядами острыми лёд пронзить. Зашуршало вокруг, зашевелилось, зазвучало. Забросить зрачок на небо, любопытно мир ощупывать:

*Кучевые кочевые облака.
Расползание небесного
белка.
Синеглазый одноглазый бог
ты мой,
ты смахнул бы набежавшее
бельмо.*

А нет — так сами смах-нём! Чувствуется сил прилив, стремления обозначились, желания появились. Всякие. Журчат ручьи (крови в жилах), кричат грачи (новых мыслей), и тает снег (равнодушия), и сердце тает (не

таит ничего). Как это называется? Правильный ответ поступил из третьего ряда, вот от той девушки с лучистыми ясными глазами. И вон от того юноши с переднего края. И вот от той дамы, откуда-то сзади, с лукавым прищуром. И — ото всех! Имя этой колдуньи любому известно, не раздумывая, повторяется (каждый раз с новыми интонациями), пото-му как она вечна. Вечно мо-лода. Вечно пьяна. Вечно ей есть дело до всех нас, даже тех, кто казался ненужным себе самому:

*Весна меня любовью уколола.
И сердце распустилось,
словно роза.
А прежде в организме было
голо,
как во саду, опавшем
от мороза.*

Пусть на сей раз конфузия вышла. И стар, и млад обошли. Поиск любви не увенчался. Будет другой. А если надо — и третий... Душа вскачь пошла, переходя с мелкого аллюра на крупную рысь. Голову на лихих поворотах,

как махновскую тачанку, за-
носит. Ноги огибают земной
шар, витанцовываясь за всё,
что даром просиделось (да не
высиделось). Руки обхватить
желают обитателей земных —
и двуногих, и безногих, и
сороконогих, и хвостатых, и
усатых, и чешуекрылых. Весь
мир достоин удивления (ну, и
немножечко любви). Каждое
событие, любая вещь — буд-
то пиками колет — так остро
чувствуется:

Как пики, начеку

небоотводы.

Казацкая страна моя, гуляй!

Напрасно небо группирует

воды

и зримо зреет молний

урожай.

В бурлении страстей буль-
он даёт такой навар чувств,

что некоторые захлёбывают-
ся. Кто словами, кто рвотой,
кто жизнью. Другие, наобо-
рот, силами прибавляются,
крепнут, твердеют (в смыс-
ле — утверждаются). Имажи
возможностей переполняют
жизни текст (простой вроде
бы). Арлекинами оборачива-
ются Пьеро. Пррредставление
пррродолжается!!! Несмотря
на дикий ветер, срывающий
афишу ночи с небесной тум-
бы. Но и он не навсегда:

Ветер ранен в грудь навывлет

пуля прошла на вы

а если б на ты, то попала

бы в рот.

И тогда (иногда) случа-
ются проколы. Поэт вообра-
жает себя пророком, лепечет
про какую-то Гаутаму, повто-
ряя чужие слова с чуждыми

ритмами на чужаковском
наречии. Царь Стандарт (бо-
лее известный как Король
Общечеловеческого), бряцая
саблями цитат, пытается пе-
рейти в наступление — со
всеми своими полками штамп-
пов — под флагом хорошего
вкуса. Корсар всё никак не
выведет свой корабль в от-
крытое море. Книжка всё ни-
как не найдёт своего читате-
ля. Но кроме проколов есть
и уколы — уколы весны. Так
ли уж плохо, если окажется
небо без призора (Трезора
(ревизора (провизора))?
Свободное небо нам дороже
(обходится). Потому:

Не будем многословить

не будем

небу.

Сергей Сигерсон